

Гу Уюань вздохнул, и голос его задрожал:

— Пока я бодрствую, мне удаётся на время подавить этот страх своей рассудочной стороной. Но стоит мне заснуть — и меня настигает кошмар. Я пытался не спать по ночам, из последних сил боролся со сном, но в определённый момент всё равно видел его. Он подходил ко мне, хватал и стаскивал с меня брюки... В конце концов я понимал, что всё ещё нахожусь во сне. Это состояние, когда ты будто бы в сознании, но не замечаешь, как бесшовно переходишь в кошмар, пугало меня даже больше, чем просто уснуть и встретиться с ним.

У Гу Уюаня явно нарастала волна эмоционального срыва.

Пэн Цзэфэн мягкими словами старался направить его к расслаблению.

Гу Уюань с силой тер большим пальцем левой руки о большой палец правой, пока кожа не покраснела, и лишь затем продолжил:

— Это чувство... будто ты стоишь в свете, но, обернувшись, проваливаешься в бездну. Ты не знаешь, когда и где безопасно. Этот внезапный, ничем не обозначенный переход повергает меня в полную беспомощность... Бежать некуда, и я гибну, поглощённый страхом.

Пэн Цзэфэн подошёл и сел на стул рядом, взял его руки, всё ещё судорожно сжимавшие друг друга, и мягко, но настойчиво разъединил пальцы. Его взгляд упал на покрасневшие веки Гу Уюаня.

— Попробуй перевести часть внимания на меня, — тихо сказал он. — Не погружайся полностью в страх, хорошо? Когда почувствуешь, что не можешь выбраться, ощути тепло моей руки. Позволь мне вытянуть тебя. Сможешь?

Гу Уюань пребывал в крайне нестабильном состоянии — не лучший момент для терапии. Пэн Цзэфэн не хотел торопить события и гнаться за сиюминутным результатом.

Прошло минут десять, прежде чем Гу Уюань наконец немного вынырнул из того состояния.

— Простите, — сказал он. — Я думал, что уже не буду так бояться.

Он улыбнулся, и улыбка эта вызвала щемящую жалость.

— Не торопись, — ответил Пэн Цзэфэн. — Я могу понять твои чувства. Говори медленно.

Слово «медленно» словно нажало на какой-то невидимый переключатель в Гу Уюане. Он снова стал похож на того человека, каким был при первой встрече.

— У меня, пожалуй, не так уж много времени, чтобы вы успели узнать меня лучше.

— Это неважно. Я буду ждать, пока ты заговоришь.

— Вы... вы действительно умеете располагать к себе людей неожиданным образом. Если так пойдёт и дальше, я, пожалуй, пожалею.

Пэн Цзэфэн отчётливо понимал: Гу Уюань что-то скрывает, что-то весьма неприятное и сложное. Но пока это лежало за пределами необходимого.

— Это не «расположение», — поправил он. — Это взаимодействие.

— Взаимодействие? — переспросил Гу Уюань.

— Да. Твоя цель — найти того, кто сможет прочувствовать твои переживания, понять их. Чтобы ты не ощущал себя в этом мире единственным и неповторимым. Чтобы ты почувствовал, что ты просто человек, такой же, как все. Ничем не отличающийся. Я лишь следую этой цели. Мне не нужно ничего «покупать».

Гу Уюань опустил голову.

— Пожалуй, я не заслуживаю всего, о чём вы говорите. Стать человеком... Это право есть лишь у хороших детей.

Пэн Цзэфэн мягко, но твёрдо заставил его поднять глаза и встретиться взглядом. Его собственный взгляд был ясен и непоколебим.

— Слушай меня. Ты не грязен. В моих глазах ты прекрасен. Как цветок, что раскрывается навстречу солнцу.

Пусть кто-то, быть может, обломает его стебель.

Пусть кто-то растопчет.

Пусть вырвут с корнем.

Но это ни на йоту не изменит его изначальной, природной сути — быть прекрасным.

— Вам кто-нибудь говорил, что вы похожи на ветер? — вдруг, ни с того ни с сего, спросил Гу Уюань.

— Говорили, — просто ответил Пэн Цзэфэн.

— Да? — удивился тот.

— Ты.

Гу Уюань снова улыбнулся.

— Если вы не против, давайте на сегодня закончим? А потом я приготовлю для вас хого. У меня есть талант — я отлично чувствую время и чужие вкусы.

— Хорошо, — Пэн Цзэфэн несколько не стал церемониться. Раз Гу Уюань предложил приготовить хого, он и ограничился двумя вещами: подкладывал перед ним то, что хотел съесть, и тут же уплетал это, пока было горячо.

— Как дела? — Юй Фэн не так давно взял одного пациента и укатил на месяц за границу. Думал, клиника покроется пылью, а оказалось, Пэн Цзэфэн исправно сидит на месте и работает.

— Вчера пришёл пациент. Физически здоров, по его словам можно сделать вывод, что проблема имеет психогенную природу. Предварительный диагноз — невроз. Он угостил меня хого, — отрапортовал Пэн Цзэфэн.

Юй Фэн вздохнул.

— Разве не «невроз» должен быть ключевым моментом? На счёт хого можно было и не упоминать.

— Э-э... Давно уже никто не готовил для меня хого, — что в переводе означало: «Я был очень доволен, поэтому запомнил». А высказывание означало: «Пациент мне определённо понравился».

— Выбрось «никто». Вообще не было в твоей жизни такого опыта, чтобы тебе готовили хого. Не приписывай себе ложные воспоминания, — фыркнул Юй Фэн. — Ты, болван, всегда сам о всех заботился, а не наоборот.

Юй Фэн достал папку с отчётами, пролистал, убедился, что всё в порядке, убрал её в конверт и положил на дальнюю полку стеллажа. Немного поколебался, стоит ли запирать, затем вытащил другую папку — с материалами пациента, который должен был прийти завтра по предварительной записи двухмесячной давности.

Защёлкивая замок, он спросил:

— Кстати, насколько он серьёзен?

Пэн Цзэфэн повернулся в кресле, заложил руки за голову и наблюдал, как Юй Фэн хлопчет и размышляет.

— Вылечить можно. Но, полагаю, каждый день для него — мучение. На данный момент у пациента диагностированы фобия, соматоформное расстройство, лёгкая неврастения и обсессивно-компульсивное расстройство. Социально адаптирован хорошо, однако из-за стресса совершил довольно радикальный поступок... Так что сначала помоги-ка мне собрать всю информацию по доступным юристам?

Пэн Цзэфэн не любил светское общение, поэтому все связи, помимо пациентских, вёл Юй Фэн. Все нужные контакты были у него.

— Без проблем. Но насколько радикальный? — Юй Фэн разглядывал в руках материалы пациента с подозрением на бредовое расстройство, слегка озадаченный. Тот настаивал на том, чтобы не выходить из дома два месяца, считая, что только так улучшит своё положение. Если не получится — обещал вернуться на терапию.

Пациент не считал, что у него бред; он был уверен, что ему просто невероятно не везёт, и лишь если ситуация не изменится, он готов был допустить, что, возможно, болен.

Вчера он позвонил Юй Фэну и подтвердил визит на завтра.

Судя по первичному приёму, вероятность бредового расстройства у этого пациента была практически нулевая. Но списывать всё на «везение» было уж слишком мистично. Пациент мыслил логично, в поведении не наблюдалось ничего неадекватного — разве что эти два месяца затворничества слегка выбивались из нормы. В остальном — полная норма.

Неврологическое обследование в больнице патологий не выявило, и здесь, в клинике, тоже всё было чисто.

В чём же дело? Узнаем ли мы завтра?

— Скорее всего, убил. Судя по описанию пациента, он «искоренил источник своего страха», —

Пэн Цзэфэн подумал и добавил:

— Его фобия была довольно тяжёлой. Если бы он не уничтожил источник раз и навсегда, вряд ли смог бы восстановиться до нынешнего состояния. Хотя лечение, конечно, всё равно необходимо.

Юй Фэн отложил бумаги.

— Можно я скажу «Вау»?

Он был удивлён. Пациенты с психическими расстройствами редко совершают убийства, хотя за годы практики он повидал и довольно жёсткие случаи. Ему даже довелось помогать в больнице, проводя терапию пациентам с маниакальными и некрофильскими наклонностями. Внутренние миры некоторых из них представляли собой натуральные кровавые дебри.

Пусть их рассказы и не были стопроцентной правдой, но картины мира у них были весьма... искривлённые.

Например, тот самый некрофил. На самом деле он не испытывал влечения к трупам как таковым. Он считал, что трупы «живые», только более послушные, чем обычные люди, и способные к ментальной связи с ним.

Ради этого он даже устроился работать в морг. Но этого ему было мало, и он начал по частям таскать трупы домой, чтобы собрать из них идеальное, по его мнению, существо: три руки, один торс, две ноги. В его мире человек должен был иметь три руки, чтобы быть совершенным, а голова была лишней.

Почему? Потому что ему не нужна была личность.

Он считал, что голова — символ личности. Личность подразумевает индивидуальность, а индивидуальность — собственное сознание. А он не хотел, чтобы его «спутники» обладали сознанием, отличным от его собственного. Они должны были быть единым целым, симбионтами.

Если бы на этом всё и остановилось, социальная опасность была бы минимальна, и вряд ли кто-то заметил бы неладное.

<http://bllate.org/book/16276/1465382>